

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Мельничук Виктория Александровна
АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РУССКОЙ ЛЕКСИКИ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XXI В.)

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2018

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель: **Зубова Людмила Владимировна**,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Радбиль Тимур Беньюминович**,
доктор филологических наук, профессор
кафедры современного русского языка и
общего языкознания ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского»

Марьянчик Виктория Анатольевна,
Доктор филологических наук, доцент
кафедры русского языка и речевой культуры
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет им. М. В.
Ломоносова»

Ведущая организация: ФГБУН Институт русского языка им. В. В.
Виноградова РАН

Защита состоится 5 апреля 2018 г. в 18.00 на заседании диссертационного совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9) и на сайте: <https://disser.spbu.ru/disser/dissertatsii-dopushennye-k-zashchite-i-svedeniya-o-zashchite/details/12/1557.html>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н., доцент

С. В. Вяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено языковому отражению аксиологии в ее динамическом аспекте. Под *аксиологической динамикой* мы понимаем изменение оценки слова на фоне внеязыковых и внутриязыковых факторов. Таким образом, сущность аксиологической динамики состоит в изменении безоценочной лексики на положительно или отрицательно оценочную, а также в постепенной замене какой-либо оценки на противоположную. Этот процесс коснулся, например, таких лексических единиц, как *тварь, пошлый, ябеда, провокатор, заразительный, клевет, амбициозный, наглый, хитрый, идиот, карьера*. При раскрытии заявленной темы возможны две противоположные стратегии исследования: широкий охват материала или углубленный анализ отдельных языковых единиц. Мы предпочитаем подробный анализ отдельных слов широте охвата материала, поэтому для анализа было выбрано 7 слов с некоторыми их производными.

В лингвистике оценка привлекала внимание таких исследователей, как Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян, В. И. Карасик, Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев, И. Б. Левонтина и др. Динамический аспект языковой аксиологии при этом затрагивался фрагментарно и не был специальным предметом лингво-исторического анализа.

Объект исследования – процесс семантических и грамматических преобразований, связанных с появлением или изменением оценочного компонента в значении слов.

Предмет исследования – аксиологическая лексика в ее функционировании в текстах начиная с последней трети XVIII в. до нашего времени. В диссертации рассматривается 7 лексических единиц с некоторыми их производными: *благоверный, доброжелатель, благодетель, чреватый, прелесть, домогательство, мзда*.

Гипотеза диссертационного исследования состоит в том, что аксиологическая динамика находится в тесной зависимости от циклических

процессов развития лексики. При этом обязательным этапом, отражающим аксиологическую динамику, является фаза оценочной энантиосемии, при которой разграничение отрицательной и положительной оценки возможно только в контексте.

Цель работы – описать и проанализировать причины и механизм изменения оценки, свойственной указанным лексическим единицам.

Поставленная цель определила следующие **задачи исследования**:

1) выбрать из множества слов, имеющих оценочное значение в современном русском языке, такие, которые отразили аксиологические изменения в хронологически различных контекстах и которые почти не рассматривались в лингвистике;

2) осуществить целенаправленную выборку языкового материала из Национального корпуса русского языка, из исторических и толковых словарей, блогов и форумов интернета;

3) проанализировать динамику и социальную обусловленность аксиологических представлений у носителей русского языка;

4) исследовать причины и механизм изменений оценочной лексики;

5) показать роль энантиосемии в аксиологических изменениях лексики;

6) показать возможность влияния аксиологических изменений на морфологию, синтаксис и на деривационные потенции исследуемых слов.

Для решения поставленных задач применялись описательный и аналитический **методы** с частичным использованием количественных характеристик словоупотребления в контекстах.

Материалом исследования послужили данные исторических и толковых словарей, контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка, блогов и форумов интернета. В ряде случаев мы обращались к полному тексту произведения, чтобы получить более точное представление об исследуемом слове. Как отражение своеобразной семантической перспективы спорадически исследовалось также употребление интересующей нас лексики в современной поэзии. В ходе работы было рассмотрено 7497 контекстов из Национального

корпуса русского языка: 209 – на слово *благоверный*, 144 – на слово *доброжелатель*, 1037 – на слово *благодетель*, 66 – на слово *чреватый*, 5173 – на слово *прелесть*, 50 – на слово *домогательство*, 76 – на слово *мзда*, 11 – на слово *мздовоздаяние*, 731 – на слово *возмездие*.

Особое внимание уделялось поиску контекстов, содержащих метаязыковую рефлексия, поскольку нередко такие контексты отражают не только субъективное отношение говорящего (что уже само по себе важно при исследовании аксиологии), но и происходящие, либо наметившиеся аксиологические сдвиги.

Актуальность исследования определяется, во-первых, его антропологической направленностью, характерной для современного этапа лингвистики; во-вторых, постоянной потребностью человека понимать смысловые оттенки лексических единиц в условиях нестабильности ценностных ориентиров, обусловленных исторически и социально.

Научная новизна работы заключается:

- 1) в анализе аксиологической динамики ряда слов, которые не были предметом специального исследования в этом аспекте;
- 2) в привлечении нового языкового материала;
- 3) в установлении причин и механизмов изменений при интерпретации конкретных семантических процессов.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в историко-лингвистическое изучение семантики лексических единиц с учетом социальных факторов, а также рассматривает такое мало изученное явление, как оценочная энантиосемия.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в содержании курсов по лексикологии, лингвокультурологии, стилистике русского языка, в спецкурсах по лексической семантике, в учебниках и учебных пособиях по названным дисциплинам, а также в лексикографической практике.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту.

1) Оценочная энантиосемия нередко отражает двойственность ценностного восприятия того или иного явления, динамику ценностных представлений носителей русского языка (слова *мзда*, *мздовоздаяние*, *возмездие*, *прелесть*). Изменение оценочного компонента слов определяется совокупностью факторов, которые наслаиваются один на другой, совпадая во времени.

2) Десемантизация корня, утрата внутренней формы слова активизируют процесс перемены оценочного знака (слова *благоверный*, *благодетель*, *чреватый*). С другой стороны, очевидная внутренняя форма с сильным оценочным компонентом может быть сдерживающим фактором для перемены оценочного знака (слово *доброжелатель*).

3) Изменение грамматических характеристик слова, расширение словообразовательных возможностей слова закрепляет изменившийся оценочный компонент (слова *благоверный*, *чреватый*, *домогаться*);

4) Динамика оценки представляет собой поступательный процесс, при котором слово обязательно проходит этап оценочной энантиосемии. На этом этапе носители языка стремятся дополнительно маркировать оценочность, используя метаязыковые указатели (*в прямом смысле*, *в хорошем смысле*, *в плохом смысле*, *буквально* и т.д.) и графические показатели, преимущественно кавычки.

5) Оценочная энантиосемия участвует в появлении у слова эвфемистического значения (слова *благодетель*, *доброжелатель*).

Апробация работы. Основные идеи, положения и результаты исследования были представлены в докладах на следующих научных и практических конференциях: XLV Международная филологическая конференция (СПб., СПбГУ, 2016), Международный молодежный научный форум «Ломоносов – 2016» (Москва, МГУ, 2016), IV Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра» (Москва, МГУ, 2016),

Международная конференция молодых филологов (Тарту, 2016), Международная научно-практическая конференция «XVII Кирилло-Мефодиевские чтения», *Wartości i wartościowanie we współczesnej humanistyce: perspektywa filozoficzna, lingwistyczna, komunikacyjna* (Ольштын, 2016), XIV Международная конференция «Абсурд в языке и коммуникации» (Москва, РГГУ, 2016). По теме диссертации опубликовано 9 работ, из них 3 – в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы включает Введение, три главы, Заключение, список сокращений, библиографию источников и библиографию научной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются объект и предмет исследования, формулируются цель, задачи и гипотеза, указываются методы и материал работы, обосновывается актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, дается информация об апробации и структуре работы.

Первая глава «Аксиология в современных лингвистических исследованиях» отражает многообразие подходов к изучению понятий ценности и оценки, ключевых для аксиологии. Наиболее значимы для нашего исследования работы Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, Е. М. Вольф, Т. И. Вендиной, Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, В. А. Марьянчик, В. Н. Телия, С. М. Толстой, Я. Пузыниной, А. Д. Шмелева.

Субъективная и исторически изменчивая природа ценностей затрудняет вопрос о критериях их выделения и классификации. В своем исследовании мы частично опираемся на классификацию Н. Д. Арутюновой, которая соотнесла типы ценностей с разновидностями оценок: 1. Сенсорные ценности (включают в себя гедонистические и психологические оценки); 2. Сублимированные ценности (объединяют эстетические и этические оценки); 3. Рационалистические ценности (в них входят утилитарные, нормативные и телеологические оценки) [Арутюнова 1984, 1988].

Оценочность в большей или меньшей степени находит выражение на всех уровнях языка. Значима дискуссия о статусе оценочного компонента лексического значения, которая сводится к трем точкам зрения: 1. Оценка – часть сигнификативного компонента [Филиппов 1978; Шмелев 1973; Петрищева 1984]; 2. Оценка – часть коннотации [Арнольд 1973; Телия 1986; Харченко 1976]; 3. Оценка принадлежит и сигнификативному, и коннотативному компоненту [Ретунская 1996; Кремих 1986; Никифорова 2008].

Особую сложность представляет вопрос отражения оценки в словарях: состав стилистических помет, касающихся оценочности, непостоянен и непоследователен. Кроме того, не вполне описана методика применения соответствующих помет. В первой главе большое внимание уделяется вопросу интерпретации оценки и ценностных категорий при лингвокультурологическом подходе.

Вторая глава «Языковая картина мира и поиск подхода к описанию динамики русской языковой аксиологии» представляет собой обоснование практической части исследования. Она посвящена сопоставлению возможных подходов к описанию аксиологической динамики в языке, обзору истории лексики в свете аксиологии и общему описанию причин и механизмов изменения оценочного компонента.

Ценность может служить основанием для оценки или объектом оценки, но при этом акт ценностного структурирования мира никогда не сводится к акту оценивания. Соотношение ценности с языком и речью происходит посредством лингвокультурных концептов, но когнитивный подход, применяемый при описании языковой картины мира [Анна А. Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, 2012], продолжает традицию семасиологических исследований и недостаточно полно рассматривает историко-социальные причины изменения оценки.

Концепция истории понятий предполагает изучение понятий культуры через текст, отражающий аксиологические установки, которые составляют прагматический уровень структуры языковой личности. Они объединяют набор

духовных ценностей и социально-психологических мотивов, отраженный в продуцируемых индивидом текстах. История понятий, изначально ориентированная на внеязыковую действительность, связывает историческую семантику, прагматику и культурные коннотации слова с лингвокультурологическим понятием концепта [Живов 2009; Пеньковский 2004]. В работах В. М. Живова и А. Б. Пеньковского история понятий может рассматриваться как особый метод исследования, соединяющий элементы метода корпусного исследования и методики контекстуального, дистрибутивного и компонентного анализа конкретного лексического материала.

Определяются экстралингвистические факторы изменения оценочного компонента слов (социокультурные, общественные и психологические). Они затрагивают узловые для истории России события и отражают зависимость языка как явления культуры от мировоззрения его носителей:

1) секуляризация русской культуры в XVIII в., следствием чего становится переосмысление понятий, наделение слов новым значением, оценочная энантиосемия (*мечта, страсть, обаяние, уныние*); 2) демократический подъем и эпоху «безвременья», формирование принципов национальной идеологии (*патриот* – отриц. оценка в демократической печати к. XIX – н. XX вв., т. к. контекстуальный синоним – *монархист; мещанство*); 3) советизация общества и выработка соответствующих идеологем (*безбожник, космополит*); 4) десоветизация общества, сопровождаемая новыми ценностными установками, в частности, экономическими (*капитализм, карьера, амбициозный*) и религиозными, приводящими к деархаизации лексики (*тварь, прелесть, ревность, блаженный*).

К внешним факторам можно относиться также изменение состава носителей языка, формирующих представления о норме, перемены в языковых вкусах общества и сословно-социальные вкусы.

Внутриязыковые причины изменений оценочного компонента переплетаются в истории лексико-семантического развития слова. К ним

относятся 1) семантические сдвиги – расширение, сужение значения; метафоризация, метонимизация; 2) энантиосемия; 3) вторичное заимствование (*монстр киноиндустрии, деликатная стирка, агрессивный пиар*); 4) ирония (*добренький, милочка, дорогуша, благодетель*); 5) лексико-грамматические изменения (переход относительных прилагательных в качественные – *заразительный, обворожительный, поразительный, чреватый*); 6) контекстная привязанность – лексико-синтаксические изменения, определяющие аксиологическую динамику.

Контекстная привязанность раскрывается 1) уточняющими определениями (*сатанинская прелесть*); 2) фразеологизированными конструкциями (*судить на мзде, чреватый чем-либо – дождем, рудами, последствиями, неприятностями*); 3) сочетаемостью с оценочно противоположными компонентами (*причинять добро, наносить справедливость, заклятый друг*).

Третья глава «Аксиологическая динамика русской лексики на примере конкретных слов» представляет собой семь очерков о словах, изменивших оценку: *благоверный, благодетель, доброжелатель, чреватый, прелесть, домогательство, мзда* и некоторых их производных.

Слова *благоверный, благодетель* и *доброжелатель* представляют интерес как композиты, у которых один из элементов (*добро-, благо-*) имеет выраженную оценочную семантику. В составе композитов элементы *добро-* и *благо-* способны десемантизироваться, в результате чего изменяется оценочный компонент слова, а дальнейшее развитие семантики отражает изменяющиеся ценностные представления говорящих.

БЛАГОВЕРНЫЙ. В последней трети XVIII в. слово *благоверный / благоверная* употреблялось как постоянное этикетное определение, а также в значении ‘особый лик святых’. С начала 30-х годов XIX в. это слово приобретает устойчивую сочетаемость со словами *супруг, супруга*. Значение слова *благоверный* в таких контекстах можно описать как ‘сочетавшиеся законным, т. е. церковным, браком’. В целом именно в 30-е гг. XIX в.

оформляется два семантико-прагматических поля функционирования слова *благверный*. Одно из них определяется традиционными ценностями и этикетом: определение *благверный* сопровождает имена великих князей. Другая сфера функционирования связана с развитием семантики и светским мировоззрением. По данным НКРЯ субстантивированное употребление слова *благверный* в значении ‘законный супруг’ появляется в 1850 г.: — *Ты не огорчайся, друг мой, — мало ли что бывает в семействе? Я с моим благверным раза три в иной день побранюсь* (А. Ф. Писемский. Тюфяк, 1850).

За субстантиватом *благверный* контекстуально закрепляются негативные ассоциации, противоречащие аксиологическому представлению о мужчине: надоедливый, глупый, скучный, безвольный, неверный или обманутый женой. Отрицательная оценка нередко сочетается с иронией: *Благверный уходит, чтобы оставить на свободе прекрасного кузена вместе с прелестною кузиною...* (А. А. Потехин. Закулисные тайны, 1860-1870). Субстантиваты *благверный* – *благверная* социально маркированы: эти слова употребляются разночинцами, мещанами, мелким дворянством, что объясняет многочисленность иронических контекстов.

Данные НКРЯ позволяют увидеть, что в 1930–1950 гг. субстантивированное значение слова *благверный* / *благверная* уходит на периферию, тогда как этикетное употребление при именах князей фигурирует в исторической прозе.

В заданном подкорпусе НКРЯ за 1951–1970 гг. коннотации и прагматика субстантивата *благверная* достаточно сложны, они зависят от субъекта речи и коммуникативной ситуации. Негативная оценка ассоциативно связана с такими признаками, как болтливая, бестолковая, сварливая, глупая: *Значит, мы с Нелькой к тебе заходим – и твоя благверная так на тебя разорвалась!* (Э. С. Радзинский. 104 страницы про любовь, 1964).

С 1990-х гг. вновь активизируется специальное религиозное употребление прилагательного *благверный*, оно отражает восстановление

традиционных религиозных ценностей. Морфологическое различие (имя прилагательное – субстантиват) обеспечило непроницаемость высокого значения, транслирующего сакральные ценности и нравственно-этическую оценку, для сферы обыденного.

Субстантиваты *благоверный* и *благоверная* продолжают демонстрировать оценочную энантиосемию. Положительная оценка: *Моя подруга Раиса из другого ряда. Хороший муж ее благоверный. И красивый, и умный, и рукастый* (Галина Щербакова. Моление о Еве, 2000). Отрицательная оценка: *И там на пляже я увидела, что мой благоверный без зазрения совести заглядывается на пышных цветущих дамочек* (журнал «Здоровье», 1999.03.15).

Таким образом, корень *благ-* в ряде случаев десемантизируется и приближается к своему энантиосеманту – благое ‘плохое, дурное’. Основная смысловая нагрузка ложится на элемент *верный*. Интересно, что усиление компонента *верный* более характерно для слова женского рода.

Многозначность слова *благоверный*, отмеченная историческими словарями, определила две линии развития: 1) Прилагательное *благоверный*, имевшее этикетную функцию устойчивого определения, отражало высокие нравственно-этические представления о роли монарха. Кроме того, оно обозначало особый лик святых. Сфера функционирования этого слова была достаточно ограниченной, вследствие чего высокая положительная этическая оценка сохранилась без изменений; 2) Субстантивированные слова *благоверный* / *благоверная*, напротив, развивались с изменениями семантики и коннотаций. Они стали принадлежностью разговорной речи. На протяжении второй половины XIX – XXI вв. для них свойственно употребление в ироническом контексте, определявшем оценочную энантиосемию. В ряде контекстов эти слова приобретали отрицательную оценку, обусловленную прагматикой высказывания. Компонент *благо* в этих субстантиватах десемантизирован.

БЛАГОДЕТЕЛЬ. В XVI – XVII вв. слово *благодетель* использовалось как стандартное обращение в письмах и грамотках. Положительная оценка действительно изначально заложена в семантике этого слова, однако уже в

XVIII в. намечается градуирование оценочности. Вплоть до второй половины XIX века это слово употребляется с положительной оценкой. Тем не менее, уже с последней трети XVIII в. встречаются иронические употребления. В официальной корреспонденции первой трети XIX в. обращение *благодетель* – вежливое, уважительное, оно используется по отношению к старшему лицу, приобретая иную тональность в дружеской переписке: *Слушай-же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками – а ты, благодѣтель, явись къ Ф. Ф<оку> и возьми отъ него письменное дозволеніе* (А. С. Пушкин. Письмо П. А. Плетневу, 1830). С конца 40-х годов XIX в. слово *благодетель* всё чаще употребляется иронически. Основой для иронии служит переосмысление изначально заложенной семы ‘бескорыстная помощь’ и соотношения благодеяния и благодарности. Зачастую *благодетель* действует не бескорыстно, а с выгодой для себя. Таким образом, происходит подмена самой сути понятия *благодетель* и *благодеяние*. Особый случай аксиологической динамики представляет употребление слова *благодетель* в качестве эвфемизма для обозначения богатого человека, берущего на содержание молодую девушку. Аксиологическую двойственность слова *благодетель* в общественном дискурсе в 70 – 80-е гг. XIX в. определяет политическая позиция говорящего. В публицистике народников оно имеет отрицательную оценку, ассоциируясь со взглядами их оппонентов по политической борьбе: *Суд правят; к работе понуждают; что есть в карманах, аккуратно сосчитают, – благодетели!* (Рабочая газета // «Рабочая газета», 1880). В первой трети XX в. аксиологическая динамика слова *благодетель* определяется тем сложным шлейфом оценочных оттенков, которые сложились во второй половине XIX в. Нам кажется, это слово можно образно назвать «сигнальным»: попадая в контекст, оно многое сообщает о языковых вкусах и системе ценностей говорящего. Ср. Положительная оценка: *Белогвардейцы именно поэтому не догадались о возможности разоружить моряков и свезти на берег их пушки <...> они поистине великолепны, эти наши белые благодетели, которые позволяют нам кичиться раздутой непобедимостью* (Сергей

Буданцев. Мятёж, 1919-1922). Отрицательная оценка, вплоть до превращения слова в идеологему «враг»: *Сидит буржуа толстопузый, господин коммерции советник Карманников, или помещик, благодетель крестьян, какой-нибудь генерал Забулдыгин, или паук Удавков* (Б. В. Савинков /В. Ропшин/. То, чего не было, 1918); *Мы утерли нос американским «благодетелям» Российских железных дорог, лоббирующим дизель 7FDL*. (коллективный. Форум: Американские тепловозы ТЭ33А «Evolution» Ильичевск-Актобе, 2009).

В современном русском языке слово *благодетель* вновь вернулось к аксиологической двойственности. Положительная оценка: *Тайно грело Сторожева и то, что он был для Наташи благодетелем: у нее пожилые и больные родители, младший брат – тихий инвалид, она никогда не жила так комфортно и обеспеченно* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010). Отрицательная оценочность возродила весь предыдущий аксиологический опыт слова:

- Утрата семы ‘бескорыстная помощь’: *И будут вливаться – независимо, кстати, от того, как правительство Юлии Тимошенко выполняет рекомендации мудрых благодетелей-кредиторов. Как раз до тех пор, пока Украина не станет банкротом* (коллективный. Из чего сделано несостоявшееся государство» // «Однако», 2009).

- Конверсивные отношения *благодетель – содержанка*: *Мне не давала покоя лёгкость, с которой Юля кружилась по огромной этой квартире. <...>Захотелось кинуться на благодетеля, врезать с плеча, чтоб очки слетели* (Слава Сэ. Ева, 2010).

- Зависимость от принадлежности к адептам того или иного мнения: *Пресса немедленно раздула из этого шага целый пожар – одни газеты провозглашали Михаила Семеновича благодетелем, другие обливали грязью.* (Андрей Геласимов. Дом на Озерной, 2009).

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ. Словарная дефиниция указывает на явную положительную оценочность слова в XVIII в.: ‘Тот, кто желает добра кому-, чему-л.’ [СРЯ XVIII Вып. 6: 155]. Толковые словари не отразили

прагматических особенностей употребления слова *доброжелатель* и его способности выступать в качестве эвфемизма в определенных коммуникативных условиях. В Словаре эвфемизмов русского языка у слова *доброжелатель*, напротив, выделено два значения с отрицательной оценкой: '1. Вм. Злонамеренный сплетник, злопыхатель. Перен. ирон. яз. эвф. Переосмысление слова возникло от употребления подписи «Доброжелатель» в конце анонимных писем, содержащих информацию, порочащую честь членов семьи или близких людей адресата писем. 2. Вм. агент, стукач. Перен. соц. эвф. <...> [Сеничкина 2008: 114]. Таким образом, уже на основе лексикографических данных можно сделать вывод об оценочной энантиосемии слова *доброжелатель*, которая связана с функционально разными значениями лексемы (прямое значение и эвфемистическое).

Обычная установка *доброжелателя* – неразглашение своего имени, соответственно, и устойчивое определение *тайный*. Поскольку тайное в русской языковой картине мира оценивается, скорее, отрицательно, то и действия *доброжелателя*, обусловленные скрытыми мотивами, аксиологически интерпретируются неоднозначно. Вероятно, в противоречие вступает словообразовательный компонент *добр-* и семантический, но нерегулярный 'тайно'.

Несмотря на развернувшуюся с 30-х гг. XX в. политику репрессий, при которой аресты производились по анонимным доносам, подписанным словом *доброжелатель*, слово сохраняло аксиологическую двойственность: *День без тревог. <...> Второе – неизвестный доброжелатель дал мне иждив. хлебную карточку, предлагая отдать частями в январе, «когда наверное по раб. категор. будет 400 гр.» <...> (А. Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник), 1941 –1948).*

На протяжении 60 – 80 гг. XX в. оценочная энантиосемия сохраняется. Положительная оценка: *Когда сделалось известным, что в Союзе начальство готовится ее исключить и уже подбирает для публичного шельмования кадры, один из Фридиных доброжелателей посоветовал ей на время уехать из города,*

взять какую-нибудь дальнюю и долгую командировку и уехать (Л. К. Чуковская. Памяти Фриды, 1966 – 1967). Прагматика отрицательной оценки более многообразна, она учитывает и сочетает различные внеязыковые и внутриязыковые факторы.

Указание на испорченную репутацию, закрепившись в исторической памяти слова, порождает любопытную метаязыковую рефлексия носителей русского языка. Стремление разрушить энантиосемию, разделить, разграничить однозначно и выразительно «хорошее» и «плохое» отражено в интернет-дискуссиях об этом слове.

ЧРЕВАТЫЙ. В Словаре Академии Российской словарная статья к форме мужского рода прилагательного *чреватый* отсутствует, поскольку в XVIII в. слово имело только гендерно маркированное номинативное значение: *чреватая* ‘Брюхатая, непраздная, имѣющая во чревѣ младенца’ [САР Т. 6: ст. 800].

С начала XIX в. слово *чреватый* употребляется в значении ‘способный вызвать, породить что-либо’. Это значение требовало подчиненного компонента в творительном падеже. При переносном употреблении между производящим и производным значениями могла присутствовать живая образная связь: *Вращают сонмы бурь, чреватыхъ ливнемъ чѣрнымъ. Замѣтимъ здѣсь первое, что ливень (т. е. дождь) не бываетъ черный, но прозрачный.* (А. С. Шишков. Письма И. Дмитриеву, 1818-1821).

Оценочность слова *чреватый* оказалась в прочной зависимости от оценочного компонента дополнения. Когда позицию дополнения начали заполнять существительные с абстрактным значением (*новость, происшествие, событие*), признак природной связи «вмещающее – вместилище» ослаб. Доминирующей в сочетании стала идея будущего плода, но уже не в буквальном, а в переносном, абстрактном смысле – результативность «порождения».

Поиск в НКРЯ показал широкую вариативность сочетаемости слова *чреватый* в современном русском языке: *чреватый + дефектами,*

проволочками, кризисом, потерями, подрывом национальной безопасности, гипердиагностикой, осложнениями, воспалением и т. д. Однако более важно, что прилагательное *чреватый* в метафорическом значении стало употребляться в краткой форме без дополнения: *Я бы к врачу сходила, хотя совсем не знаю, чем это чревато (и чревато ли вообще)* (Наши дети: Подростки, 2004). Функционирование слова *чреватый* без дополнения сопровождается активным формо- и словообразованием, указывающим на актуализацию значения качественного прилагательного. Примеры из сетевого общения: *мне теперь с тобой встречаться **чреватенько**; что розы приехали без воска чем **чреватовато**? Кого опасней и **чреватей** оставлять дома одного без присмотра: кота, ребенка или мужа?*

Можно говорить об относительно новой стадии лексико-грамматического развития слова *чреватый* в начале XXI в. Относительность определяется фрагментарностью фиксаций в НКРЯ и в интернет-источниках. Закрепление отрицательной семантики на глубинном уровне связано с ценностными представлениями носителей языка: ожидание, отдаленность и неопределенность результата оцениваются отрицательно, поскольку часто оборачиваются негативными последствиями для субъекта.

Историко-лингвистический анализ слова *чреватый* показывает, что на развитие оценки слова существенное влияние наравне с семантическими изменениями может оказывать грамматический аспект. Семантический сдвиг и закрепление фразеологически связанного значения, требующего определенных синтагматических связей, постепенное развитие у слова *чреватый* значения качественного прилагательного расширило его грамматическую парадигматику и деривационный потенциал.

ПРЕЛЕСТЬ. В современном русском литературном языке оценочный знак слова *прелесть* и его производных исключительно положительный: МАС выделяет 5 позитивных значений слова *прелесть*. Исторические словари отражают оценочную энантиосемию: *Прелесть* – ‘1. Коварство, обман,

соблазн. 2. Красота, пригожество; пленительный вид, взор' [САР Т. 2: ст. 1181].

Положительная оценка, отражающая процесс секуляризации церковнославянизмов, у слова *прелесть* по данным НКРЯ возникает примерно с 1764 – 1765 года, тогда как отрицательная оценка обнаруживается исключительно в специальных контекстах. Церковнославянское значение уже к середине XIX века оказалось на периферии, в связи с чем и стали возможными оксюморонные сочетания *святая прелесть*, *прелесть Евангелия*.

После 1917 г. в связи с изменениями в политической и социальной жизни России религиозная проза не была доступна читателю, поэтому наметившаяся закономерность употребления слова *прелесть* с отрицательным оценочным компонентом окончательно ушла на периферию, но не была утрачена. В конце XX в. наметилась тенденция «возвращения старого, ранее отвергнутого и запрещенного, которое воспринималось в этот период как нечто новое» [Шмелькова 2010: 4].

В церковном социолекте, носителями которого являются прихожане русской православной церкви, оценка слова *прелесть*, как и у первоначального церковнославянского значения, отрицательная: *Человек летает и ему кажется, что у него крылья... Мне почему то казалось, что это состояние называется прелестью, очень ярко проявляющееся в период неофитства. И вроде как в нём надо каяться на исповеди... нет?* [пример из сетевого общения].

Семантика и оценочные коннотации слова развиваются циклично: приобретенный словом «багаж» не утрачивается, новые значения не перечеркивают предшествующие, а накапливаются, чтобы реализоваться в более подходящих коммуникативных условиях. В речевых ситуациях, определенных личным мировоззрением говорящего, кругом собеседников-единомышленников, религиозной тематикой, слово *прелесть* возрождает, хоть и в несколько преобразованном виде, специальную церковнославянскую семантику и оценочность и приобретает идентифицирующую функцию.

ДОМОГАТЕЛЬСТВО. В XVIII в. слово *домогательство* было оценочно нейтральным: '1. Старание, усилие добиться чего–л.; настойчивая просьба, требование. 2. Претензия.' [СРЯ XVIII Вып. 6: 207].

Однако в контекстах слово *домогательство* способно было приобретать оценочность, особенно при наличии уточняющего определения: *Она прокляла свою неопытность, осудившую ее быть вечной целью самых оскорбительных восторгов, самых гнусных домогательств* (В. А. Соллогуб. Теменевская ярмарка, 1845). На протяжении XVIII – н. XX вв. оно функционирует как оценочно нейтральная единица в языке философской прозы. Начиная с конца XIX в. исследуемая лексическая единица стремительно развивает собственную отрицательную оценку, становясь опорным компонентом публицистического клише. Клишированная конструкция представляет сочетание слова *домогательство* с существительным в родительном падеже и инфинитивом: *домогательство аристократического государственного совета стать полновластным* (В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 66-75, 1904).

Слово широко употребляется в общественно-политической риторике. В связи с этим актуализируется семантический компонент *назойливо*, изменяется лексическая сочетаемость. Во второй половине XX в. наблюдается снижение частоты употребления слова *домогательство*: оно постепенно устаревает. Затем в начале XXI в. в связи с переменами, происходящими в общественном сознании, с расширением культурно-информационных связей, наблюдается внезапная актуализация узкого значения с отрицательной коннотацией 'назойливое проявление сексуальных намерений', подкрепленное также заимствованием *харассмент*. Таким образом, развитие у слова *домогательство* отрицательной оценки было вызвано рядом факторов: сужением значения с последовательной актуализацией семантических компонентов 'назойливо, вопреки чьей-либо воле', влиянием языкового контекста и дискурса.

МЗДА. Описание семантической и аксиологической динамики слов *мзда*, *мздовоздаяние* и *возмездие* позволяет взглянуть на языковые представления о

мере ответственности человека за его поступки с точки зрения причинно-следственных связей. Неоднозначно определяется, а иногда и остается неназванной сила, запускающая механизмы оплаты и расплаты, но причины и следствия ее действий вербализуются вполне определенно.

В XVIII в. слово *мзда* обозначало ‘Сл. 1. Награда, плата, воздаяние. 2. Корысть, нажива’. [САР Т. 4 : ст. 126]. Из словарной дефиниции очевидно, что семантическая история слова определялась конкуренцией церковнославянского и русского значений. Церковнославянское значение слова *мзда* обладало положительной оценкой, тогда как русское значение выражало оценку отрицательную. Таким образом, генетико-стилистическая природа слова *мзда* стала источником оценочной энантиосемии. «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. фиксирует у слова *мзда* значения ‘1. Награда, плата, воздаяние. 2. Корысть, прибыль, приобретение’ [СЦРЯ 1847 : 302]. МАС определяет слово *мзда* как 1. Устар. Плата, вознаграждение, воздаяние за что-л. 2. Устар. и ирон. Взятка. [МАС Т. 2 : 266].

В современном русском языке слово *мзда* утратило словообразовательную активность, тогда как ранее представляло вершину большого словообразовательного гнезда, в которое входили слова *мездник*, *безмездник*, *безмездно*, *возмездие*, *возмздить*, *возмездить*, *умздить*, *мздовоздавать*, *мздовоздаяние*, *мздовоздаятель*, *мздоимец*, *мздоимство*, *мздоимственный*. Большинство этих слов устарело, а связь *мзды* и *возмездия* для носителя русского языка в XXI в. перестала быть очевидной.

В заданном подкорпусе 1750 – 1770 гг. НКРЯ слово *мзда* встречается в 30 контекстах. Только в трех контекстах оно имеет значение ‘взятка’, которое реализуется в устойчивом выражении *судить на мзде* – ‘выносить судебное решение за взятку’. В остальных 27 контекстах подкорпуса причудливо переплетаются значения ‘плата’ и ‘вознаграждение’. Причем значение ‘вознаграждение’ имеет метафорическую природу и преобладает в текстах религиозного, духовного содержания: *Государя ободрить*, *обещая ему неложно*

достойную и величайшую на небеси мзду (архиепископ Платон /Левшин/. Православное учение или сокращенная христианская богословия, 1765).

Значение 'взятка' прочно закрепилось за словом *мзда* лишь к 60-м годам XIX в. Материалы НКРЯ позволяют проследить, как взаимодействовали церковнославянское и русское значения и как утвердилась отрицательная оценка слова *мзда*.

Слово *возмездие* в диахронной перспективе, подобно слову *мзда*, показывает аксиологическую динамику, сопровождающую семантический сдвиг. В МАС *возмездие* определяется 'высок. Отплата, кара за причиненное, совершенное зло' [МАС Т. 1: 200].

В **заключении** подводятся итоги и определяются перспективы проведенного исследования.

Социолингвистическое и тематическое разнообразие языкового материала показало разные причины и механизмы цикличной аксиологической динамики.

В ходе исторического функционирования слова изменение оценочного компонента определяется совокупностью факторов, которые наслаиваются один на другой, совпадая во времени. Динамика оценки представляет собой циклический процесс, при котором слово обязательно проходит этап оценочной энантиосемии.

Различные языковые маркеры (графические показатели, нестандартная орфография, словообразовательная активность, изменение грамматических характеристик слова, контекстуальная синонимия, развитие новой лексической и грамматической сочетаемости) отражают и закрепляют изменение оценки. Перемена оценочности ускоряется при десемантизации корня и утрате внутренней формы слова. Прозрачная внутренняя форма с сильным оценочным компонентом может быть сдерживающим фактором для перемены оценки и продлевает этап оценочной энантиосемии.

Перспективами исследования можно назвать обращение к диалектной аксиологии, построение типологии аксиологических сдвигов в различных

языках, описание других слов, изменявших оценку, и составление специального словаря аксиологической динамики.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Мельничук, В. А. О семантической динамике слова *домогательство* [Текст] / В. А. Мельничук // *Филологос*. – 2017. – № 34 (3). С. 77 – 83. 0,5 п.л.

2. Мельничук, В. А. Об одной особенности оценочной динамики церковнославянизмов в русском языке (на примере слова *прелесть*) [Текст] / В. А. Мельничук // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2017. – № 11 (77): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 113 – 117. 0,5 п.л.

3. Мельничук, В. А. *Мзда, воздаяние и возмездие* в аксиосфере русской языковой картины мира [Текст] / В. А. Мельничук // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – 2017. – № 8. – С. 157 – 163. 0,5 п.л.

Другие работы, опубликованные автором по теме диссертации:

4. Мельничук В. А., Зубова Л. В. Лексико-грамматический аспект аксиологической динамики на примере слова *чреватый* [Текст] / В. А. Мельничук, Л. В. Зубова // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR), vol. 122. 45th International Philological Conference (IPC 2016)*, p. 380 – 383. 0,3 п. л.

5. Мельничук, В. А. Лексико-семантический аспект аксиологической динамики композитов с оценочным элементом в русском языке [Текст] / В. А. Мельничук // *Русская филология 28. Сборник научных работ молодых филологов*. – Тарту. – 2017. – С. 300 – 303. 0,3 п. л.

6. Мельничук, В. А. Аксиологическая динамика композитов с оценочным элементом [Текст] / В. А. Мельничук // *Тезисы. Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции*. – М.: Факультет журналистики МГУ. – 2016. – С. 398 – 401. 0,3 п.л.

7. Мельничук, В. А. О развитии аксиологической энантиосемии на примере слова *доброжелатель*. [Текст] / В. А. Мельничук // Тезисы Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2016. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). 0,25 п.л.

8. Мельничук, В. А. Аксиологическая динамика композитов на примере слова *благоверный* [Текст] / В. А. Мельничук // Тезисы. Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты. Материалы междунар. научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения». — М. — Ярославль — 2016. — С. 34 — 37. 0,25 п. л.

9. Мельничук, В. А. Аксиология графики текста [Текст] / В. А. Мельничук // Тезисы *Wartosci I wartosciowanie we wspolczesnei humanistyce: perspektywa filozoficzna, lingwistyczna, komunikacyjna.* — Olsztyn. — 2016 — str.45 — 46. 0,25 п.л.

Мельничук Виктория Александровна
Аксиологическая динамика русской лексики
(конец XVIII – начало XXI в.)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Подписано в печать __. __. 2018 г.
Формат 60х94/16. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз.

Отдел новых учебных технологий СПбГУ
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 11